

0-795222

На правах рукописи

Киреева Татьяна Витальевна

**ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ
КАК ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЛИЧНОСТИ: ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД
(А.И. СОЛЖЕНИЦЫН, «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»)**

10.02.19. – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нальчик – 2012

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Сочинский государственный университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук профессор
Ворожбитова Александра Анатольевна.

Официальные оппоненты:

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук профессор, ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков.

Евсюкова Татьяна Всеволодовна, доктор филологических наук профессор, ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, декан факультета лингвистики и журналистики.

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный гуманитарный университет».

Защита состоится 14 апреля 2012 года в 15.30 на заседании диссертационного совета Д 212.076.05 при ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, г. Нальчик, Чернышевского, 173.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Автореферат разослан 13 марта 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000808115

Ученый секретарь

диссертационного совета – Чепракова Татьяна Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы исследования обусловлена недостаточной изученностью идиодискурса А.И. Солженицына в целом и произведения «Архипелаг ГУЛаг» в частности, в то время как проза А.И. Солженицына, по авторитетным оценкам, составила новую эпоху в развитии современного русского литературного языка [Бродский 1999, Чуковская 2008 и др.]. Избранный текст является своеобразным памятником тому русскому языку, который символизирует противостояние «тоталитарному языку» [Купина 1995] и советскому официальному дискурсу [Кронгауз 1994, Лассан 1995, Маркштайн 1995, Михеев 1991 и др.]. Жанр «художественного исследования» (по авторскому определению), охватывающего период с 1918 по 1956 гг., позволяет проникнуть в античеловеческую суть сталинских репрессий как бы «с другой стороны» русского национального макродискурса. Противоречивость оценок творческого пути А.И. Солженицына заставляет вновь обращаться к текстам писателя, который «знал жизнь во всей ее совокупности, видел ее насквозь, сердцем ощущал духовную иерархию бытия и жил болями мира и России» [Кублановский 2008: 6]. Значимость темы исследования определяется анализом столь уникального произведения, каковым является «Архипелаг ГУЛаг» А.И. Солженицына, в интегративной лингвориторической парадигме, которая позволяет рассматривать писателя как литературную личность – высшую форму креативности языковой личности – и особенности авторского воплощения этоса, логоса и пафоса в универсальном идеоречевом цикле «от мысли к слову» в рамках реализации определенной дискурсивной стратегии.

Объект изучения – литературная личность А.И. Солженицына и текст произведения «Архипелаг ГУЛаг» как «опыта художественного исследования»; **предмет** – особая дискурсивная стратегия литературной личности, интегрирующей документальное и художественное начала в системе лингвориторических средств их комплексной реализации.

Цель исследования – выявить лингвориторический инструментарий реализации дискурсивной стратегии документально-художественного (ДХ) синтеза в тексте произведения А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг».

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

- определить теоретико-методологические основы анализа идиодискурса А.И. Солженицына как литературной личности в лингвориторической парадигме;
- обосновать понятие ДХ синтеза как дискурсивной стратегии особого типа в качестве основы лингвориторического исследования текста произведения «Архипелаг ГУЛаг»;

- выявить лингвориторические особенности дискурсивной стратегии ДХ синтеза в «Архипелаге ГУЛаг» на уровнях ее инвентивной, диспозитивной, элокутивной реализации;

- определить функции дискурсивной стратегии ДХ синтеза в тексте произведения как «лингвориторического орудия» борьбы с тоталитаризмом.

Гипотеза исследования: текст произведения А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» является продуктом ДХ синтеза как особой дискурсивной стратегии литературной личности писателя – борца с тоталитарным режимом, «лето-

писца-трибуна», реализуемой с помощью специфическим образом организованного комплекса взаимообусловленных лингвориторических средств.

Материалом исследования послужили тексты «Архипелага ГУЛаг» А.И. Солженицына, выступлений, статей писателя; биографические источники; филологические работы о творчестве А.И. Солженицына.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды в области методологии филологической науки (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский и др.), антропоцентрической лингвистики, когнитивистики, прагмалингвистики, лингвистики текста, теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, Г.И. Богин, И.Р. Гальперин, Г.А. Золотова, Ю.Н. Караулов, Д.М. Поцепня, К.Ф. Седов и др.), теории коммуникации (О.С. Иссерс, Е.В. Ключев, В.В. Красных и др.), риторики и неориторики (Н.А. Безменова, А.А. Волков, А.А. Ворожбитова, М.Л. Гаспаров, О.И. Марченко, А.К. Михальская, И.В. Пешков и др.); работы, посвященные творчеству А.И. Солженицына (Е.В. Белопольская, Т.В. Гегина, М.М. Голубков, Ж. Нива, Л.И. Сараскина, В.С. Синенко, В.А. Чалмаев и др.), исследования жанра документально-художественной прозы (Н.Б. Бозиева, Л.О. Гинзбург, А.В. Громова, А.В. Игнашов, Е.Г. Местергази, Т.Г. Симонова, Я.И. Явчуновский и др.).

В процессе исследования применялись следующие **методы**: системного анализа, категоризации понятий, герменевтико-интерпретационный, описательный, дистрибутивный, лингвориторический; использовались методики наблюдения, сопоставления, внеязыкового соотнесения, «вторичной реконструкции» (выявление лингвориторических параметров идиодискурса в корпусе работ о личности и творчестве А.И. Солженицына).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно охарактеризованы в лингвориторической парадигме творческий феномен А.И. Солженицына как литературной личности, особенности его идиодискурса, текст произведения «Архипелаг ГУЛаг»; введено в научный оборот терминологическое сочетание «документально-художественный синтез как дискурсивная стратегия» литературной личности, выполнена категориальная разработка соответствующего понятия с выделением сущностных признаков, типологических черт и функций с позиций лингвориторического подхода; раскрыты особенности реализации дискурсивной стратегии ДХ синтеза на уровнях инвентивной, диспозитивной, элокутивной тактик, в рамках которых инвентаризованы лингвориторические приемы синтезирования документального и художественного начал на примере идиодискурса «Архипелага ГУЛаг»; выявлены основные функции дискурсивной стратегии ДХ синтеза как вербализованного орудия борьбы с тоталитаризмом.

Теоретическая значимость обусловлена системной детализацией характеристик творческого феномена А.И. Солженицына согласно компонентам лингвориторического конструкта «литературная личность»: базовый компонент – языковая личность (ассоциативно-вербальная сеть, тезаурус, прагматикон); «риторский статус»; «художественно-эстетический статус»; лингвориторическая компетенция и механизмы ее реализации; тип идеоречевика – на основе

комплексного применения антропологических, лингвистических, риторических, общефилологических концепций и подходов, их осмысления в качестве детерминант определенных дискурсивных стратегий; уточнением определений и взаимного соотношения понятий *дискурс*, *идиодискурс*, *дискурсивная стратегия*, *документально-художественный синтез*; разработкой общей классификации дискурсивных стратегий; обоснованием понятия «дискурсивная стратегия ДХ синтеза», его категориальной разработкой в лингвориторической парадигме, установлением типологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Документально-художественный (ДХ) синтез, детерминировавший существенные характеристики текста «Архипелага ГУЛаг» как «опыта художественного исследования», максимально сконцентрированно выражает специфику функционирования литературной личности в драматические моменты истории народа и государства. ДХ синтез сознательно избран продуцентом в качестве лингвориторической стратегии выхода из принудительного ментального пространства советской идеологии в измерение Этоса, Логоса и Пафоса гуманистических ценностей. Авторское начало в тексте «Архипелаг ГУЛаг» как сфокусированное выражение творческой интенции литературной личности (высшей формы языковой личности), оппозиционной тоталитарному режиму, проявляет себя на уровне механизмов реализации лингвориторической компетенции: в инвентивной, диспозитивной и элокутивной тактиках дискурсивно-текстообразующего процесса; при этом собственно элокуция как вербализация референта выступает интегрирующим фактором, обеспечивая материально-языковую основу того органичного сплава, который образует инвентивно-диспозитивный каркас текста литературного произведения.

2. Органичное взаимодействие антиномических начал «документальное – художественное» на трех уровнях литературного произведения: *тематическом*, *концептуальном*, *художественно-изобразительном* – является результатом реализации особой дискурсивной стратегии, сознательно избранной и целенаправленно осуществляемой литературной личностью. *Дискурсивная стратегия ДХ синтеза* определяется как генеральная линия подбора и расположения текстового материала на основе органичного взаимодействия двух мыслеречевых стратегий литературной личности по отражению и интерпретации действительности (фактографическая фиксация // создание вымышленного образа), выстраивания на этой синергетической основе инвентивно-диспозитивного каркаса произведения с последующим влиянием художественных и документальных текстовых фрагментов на элокутивное наполнение дискурса. В «Архипелаге ГУЛаг» реализована *опозиционно-деятельностная дискурсивная стратегия ДХ синтеза равновесного типа*.

3. *Инвентивная тактика* реализации дискурсивной стратегии ДХ синтеза в «Архипелаге ГУЛаг» в аспекте отбора фактов и документов, их оценки и интерпретации основана на достоверном воспроизведении истории, использовании обширного разножанрового документального материала. Инвенцию текста «Архипелаг ГУЛаг» определяют: 1) круг вопросов, поднимаемых автором, художником, историком и участником описываемых событий (причины возник-

новения системы насилия одной части общества над другой, понятия нравственности, исторической памяти, раскаяния и духовного очищения); 2) комплексная аргументация, использующая все основные типы доводов, различаемые риторикой: «к очевидному» (автор является участником описанных событий); логосные (рассуждения, умозаключения автора); этосные («к пониманию», «к состраданию», «к объединению»); пафосные («к раскаянию»); аргументы «к доверию» автору.

4. *Диспозитивная тактика* реализации дискурсивной стратегии ДХ синтеза в «Архипелаге ГУЛаг» представлена чередованием обобщающе-исторической и автобиографической линий; организацией обширнейшего жизненного материала согласно хронологии и тематике; дедуктивным структурированием текста, использованием специальных композиционных приемов, направленных на реализацию данной тактики (эпиграфы, примечания и др.). Специфика диспозитивной организации текста «Архипелага ГУЛаг» заключается в ее летописном характере, прерываемом апелляцией к предшествующей или последующей информации, моделированием репрезентируемой ситуации, выявлением причин описываемых явлений, приведением дополнительной информации, формулированием философских обобщений. С позиции коммуникативных регистров речи данная диспозитивная тактика литературной личности базируется на разнообразном соотношении временных линий, динамики сюжетного движения и статики фоновых описаний, действий, событий и мыслей говорящего или персонажа, точек зрения говорящего и героев-перцепторов.

5. *Элокутивная тактика* реализации дискурсивной стратегии ДХ синтеза в «Архипелаге ГУЛаг» в аспекте выбора адекватных языковых и речевых средств аккумулирует мощнейший заряд нравственного и языкового сопротивления духу и букве советского официоза и преодоления замкнутого пространства советского дискурса благодаря разговорно-бытовой и просторечной лексике, пословицам, поговоркам, составляющим широкий пласт народной речи. Глобальное противопоставление двух миров, олицетворяющих Добро и Зло, сформировано на уровне репрезентаций концептуальных смыслов непримиримого борца со злом тоталитаризма, эксплицируемых с помощью индивидуально-авторских конструкций, обеспечивающих феномен «расширения современного русского языка», богатого риторического арсенала тропов и фигур. Языковые средства выражения авторского пафоса формируют дискурсивную доминанту сопричастности («взгляд изнутри»), основанную на личном участии в описываемых событиях и определяющую специфику литературной личности А.И. Солженицына, репрезентированной в тексте «Архипелага ГУЛаг».

6. Дискурсивная стратегия ДХ синтеза в «Архипелаге ГУЛаг» выполняет следующие функции: 1) в рамках логосно-тезаурусно-инвентивных параметров дискурсе-текста – *методологическую* (комплексного применения исследовательского и художественно-интуитивного методов постижения и вербализации действительности) и *мировоззренческую* (формирования картины мира, оппозитивной по отношению к внедряемой на уровне государственной идеологической доктрины); 2) с позиций этосно-мотивационно-диспозитивных параметров – *мемориальную* (увековечения памяти о жертвах сталинизма) и *разоблачитель-*

но-орудийную (ментального ниспровержения тоталитарной системы); 3) на уровне пафосно-вербально-элокутивных параметров – *языкового сопротивления* советскому официальному дискурсу и *выражения гражданского протеста*. Функциональный спектр дискурсивной стратегии ДХ синтеза реализуется на уровне инвентивно-диспозитивного каркаса дискурс-текста «Архипелага ГУЛаг» и его элокутивного наполнения, сформированных взаимодействием контекстов «денотативного типа» («контекст-реалия», «контекст-документ») и «коннотативного типа» (многообразии авторских контекстов-интерпретант).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его результаты в преподавании курсов теории языка, риторики, лексикологии, стилистики, филологического анализа текста, теории литературы, в спецкурсах и спецсеминарах, обеспечивающих исследовательскую направленность образовательного процесса в вузе, в преподавании русской литературы в школе, на курсах ФПК вузовских преподавателей-филологов, учителей русского языка и литературы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации и полученные результаты обсуждались на заседаниях и научных семинарах кафедры русской филологии СГУ, а также на ряде научных конференций – Всероссийских: «Язык образования и образование языка» (Великий Новгород, 2003), «Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе» (Сочи, 2005; 2009); Международных: «Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах» (Сочи, 2002; 2003; 2005), «Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания» (Краснодар, 2010), «Риторика как предмет и средство обучения» (Москва, 2011).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе – «Теоретико-методологические основы анализа идиодискурса литературной личности в лингвориторической парадигме: аспект дискурсивных стратегий (А.И. Солженицын)» – рассмотрены с позиций лингвориторического (ЛР) подхода структура литературной личности А.И. Солженицына (языковая личность как базовый компонент; риторский и художественно-эстетический статусы; авторская ЛР компетенция и тип идеоречевика как основа системы дискурсивных стратегий); разработано понятие ДХ синтеза как дискурсивной стратегии особого типа.

В современной филологической науке категория дискурса рассматривается преимущественно в двух ипостасях: структурной и функциональной. Обращение к идиодискурсу конкретного писателя предполагает анализ произведений автора, реализующих различные дискурсивные стратегии, в их совокупности. В предлагаемом исследовании использование термина «идиодискурс» обусловлено динамичностью создаваемой автором языковой реальности; «все элементы структуры художественного текста – от системы образов до частного приема – А.И. Солженицын рассматривает в их функциональности» [Алтынбаева 2007: 5]. При этом дискурс выступает как отражение социально-коммуникативных характеристик литературной личности А.И. Солженицына.

В основу нашего исследования положены такие ведущие *принципы*, сформулированные на базе интегративного *ЛР подхода* к анализу писательского идиодискурса, как: преломление базовых компонентов коммуникативной ситуации (адресант, адресат, референт, код, контакт, сообщение) сквозь призму идеологических аспектов дискурсивных процессов (этнос, логос, пафос), уровней структуры языковой личности (по Ю.Н. Караулову), этапов универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» (инвенция, диспозиция, элокуция); представление о литературной личности как о сложно организованном феномене, содержащем, помимо базового компонента – языковой личности, также компоненты-«наслоения» в виде риторского статуса (ориентированность на социально значимый, этически ответственный речевой поступок), художественно-эстетического статуса, профессиональной ЛР компетенции и типа идеоречевого цикла; учет раскола картины мира коллективной русской (русскоязычной) языковой личности в революционную эпоху (победа идеологии большевизма, ее развитие в эпоху сталинизма), обусловившего трансформации языковой картины мира, вызванные актуализацией двух ментальных пространств: советского официального и антисоветского. Последний принцип важен при анализе произведений писателей советской эпохи и выдвигается на первый план при рассмотрении солженицынского идиодискурса, резко оппозиционного советскому официальному дискурсу, идеологии Ленина – Сталина.

В текстах А.И. Солженицына предметом изучения лингвистов являются прежде всего особенности употребления лексических и грамматических языковых средств, т.е. *вербально-семантический уровень* языковой личности. Отмечается богатство и многообразие словаря его произведений, особенно в части языковых пластов, напрямую взаимодействующих с русским устным разговорным словом. Фольклорная языковая стихия, будь то лагерная «риторика», зачастую окрашенная в густые, точные, семантически емкие и образные выразительные тона [Пищулина 1998: 58], или несобственно-прямая и сказовая речь [Овчаренко 1998] больше других притягивала писателя, особым образом преломляясь в его идиодискурсе. Важными характеристиками идиостиля А.И. Солженицына признаются морфологические девиации, а также лексико-семантические, синтаксические, орфографические и пунктуационные отклонения. Функция таких форм заключается в том, что они уточняют, «утяжеляют» или интенсифицируют смысл, делают высказывание более содержательным и эмоциональным, являются эффективным средством образования дополнительных авторских концептуальных смыслов [Зарецкая 2001: 3].

Отличительной чертой поэтики А.И. Солженицына признается антиномичность (Т.В. Гегина, А.М. Ранчин, В.С. Синенко и др.); антиномия «советский – антисоветский» антитезисно маркирует представления о Добре и Зле, на драматическом столкновении которых базируется речемыслительный процесс. В связи с характеристикой *лингвокогнитивного уровня* языковой личности из корпуса исследовательских текстов [Голубков 2000: 246–289 и др.] нами реконструированы понятийные ряды «инвентивной сетки» идиодискурса А. Солженицына, дающие представление о его тезаурусе. Это универсальные концепты *жизнь* («жизненные позиции»), «жизненная реальность», «обыденные обстоятельства»,

«типичная ситуация», «судьба», «трагический зигзаг в судьбе», «поворотные периоды жизни», «изломы», «повороты», «события»); *человек* («развитая личность», «человеческое достоинство», «бесправие», «праведность», «пренебрежение», «душа», «концепция личности», «нравственные убеждения личности», инженерная математическая одаренность, общая образованность); *характер* («доброта», «добродетельные качества человека», «подозрительность», «нерешительность», «противоречивость»); *общество* («народ», «нация», «человечество», сознание, «национально-историческое бытие», «история»); *борьба* («битва», «сопротивление»); *компромисс* («компромисс с действительностью», «человеческая склонность к компромиссам», «вынужденная сделка»); *смерть* («гибель») и др. К индивидуальным концептам правомерно отнести такие, как *лагерь* («лагерь», «лагерный опыт», «Марфинская «шарашка», «спецтюрьма», «своеобразный научно-исследовательский институт», «Марфинский научно-исследовательский институт», «Марфинская спецтюрьма», «правда об Архипелаге», «тюрьма», «враг народа», «арестованный»); *Россия* («Россия», «отчизна», «родина», «истинная Россия», «Сокрытая Россия», «утраченная Россия»); *религия* («Божий промысел», «христианское мировоззрение», «религиозные позиции»); *свобода* («внешняя несвобода», «внутренняя свобода», «внешняя свобода», «свобода», «несвобода», «степень личной свободы и счастья», «идея свободной личности»); *нравственность* («смысл жизни», «добро и зло», «честь и бесчестье», «манеры поведения», «навыки обыденного общения», «бытовые установления», «интересы других людей во всем мире», «внешне благополучные и властительные герои», «победители», «палачи», «жертвы») и др.

Мотивационный уровень языковой личности выступает движущей силой речетворческого процесса. А.И. Солженицын, поставив задачу художественного исследования документально воспроизведенных событий, по сути, возложил на себя труд исследователя России XX века в онтологическом и цивилизационном контекстах [Разманова 2003]. Ряд исторических событий и этапов биографии А.И. Солженицына (участие в войне 1941–1945 гг.; подъем национального самосознания, направленного против тоталитарной системы, создавшей концентрационные лагеря, где писатель отбывал свое «наказание»; смерть И.В. Сталина, вызвавшая постепенный распад этой системы и поиски писателями естественной, праведной жизни России) определил его историософские и культурологические воззрения, отразился в творчестве [Устименко 1998: 19] и обусловил ведущую деятельностно-коммуникативную потребность прагматикона: писать «за Россию безязыкую», восстановить скрытую, изолганную историю.

В главе подробно охарактеризованы остальные компоненты литературной личности А.И. Солженицына – писателя гражданского типа, проводника общественно-значимых идей, судьбоносных для народа и государства («риторский статус»), воплощенных в своеобразной творческой форме, породившей такой феномен, как «эффект мерцающей художественности» («художественно-эстетический статус»). Синергетическим продуктом взаимодействия индивидуально-преломленного «риторского статуса», воплощающего авторский идеологический комплекс этоса, логоса и пафоса, и «художественно-эстетического статуса» литературной личности, выдающей в вымысле лишь «средство концен-

трации действительности», явился дуалистический идиодискурс, в котором стремление к отражению в произведении жизненной правды, вплоть до введения документальной основы, сопряжено с мастерством художника, отличающегося ярко выраженными идиостилевыми чертами. Литературную личность А.И. Солженицына детерминирует прозаический тип идеоречецикла (преддиспозиция, инвенция, диспозиция, элокуция, редактирование). С позиций ЛР парадигмы литературная личность писателя-трибуна, наделенная риторским и художественно-эстетическим статусами, детерминирующая прозаический тип идеоречецикла, осуществляет дискурсивную стратегию в системе тактик, которые соотносятся с механизмами реализации профессиональной ЛР компетенции автора, прежде всего инвентивным, диспозитивным, элокутивным.

Понятия «стратегия» и «тактика» в сфере речевой коммуникации являются центральными. В прагматическом аспекте *дискурсивная стратегия*, т.е. генеральный план с четко обозначенной целью, определяется нами как *мыслеречевой конструкт языковой личности (в том числе литературной личности), содержащий представление о риторической цели данного речевого поступка и имеющий комплексную ЛР природу*. Последняя подразумевает осмысление (логос) продуцентом дискурса мировоззренческих концептов (тезаурус), на уровне отбора материала (инвенция), обусловленное нравственными принципами (этос), одушевляющими авторскую интенцию (мотивационный уровень) и воплощаемое в неповторимой организации материала (диспозиция) силой эмоционально-экспрессивно окрашенного волевого импульса (пафос) с помощью необходимых в данном конкретном случае семиотических единиц (вербально-семантический уровень) на этапе языкового выражения (элокуция).

Спектр ведущих типологических характеристик дискурсивной стратегии, реализованной в идиодискурсе А.И. Солженицына, следующий: *прозаическая* (с позиции типа идеоречецикла литературной личности); *продуктивно-творческая, репродуктивно-конструктивная* (с позиции регистра речемысле-тельной деятельности); *монологическая* (с позиции режима коммуникации); *контраминированная* (с позиции функционально-смысловых типов речи); *художественно-публицистическая* (с позиции функциональных стилей речи); *литературно-художественная* (с позиции институциональных видов дискурса); *реалистическая* (с учетом литературных направлений); *эпическая* (с учетом родов литературы); *художественно-исследовательская* (с учетом жанровой специфики речевого произведения); *документально-художественная* (с позиций логики осмысления и способа подачи жизненного материала).

Дихотомия *документальное / художественное* рассмотрена в работе с опорой на определения, употребляемые в научной литературе. Если художественность квалифицируется учеными прежде всего как «эстетическая значимость» – результат типизации и обобщения, результат отбора и творческого сочетания элементов, служащих для выражения авторской оценки изображаемых фактов [Бурукина 2007: 3], то трактовки документальности варьируются от чрезвычайно широкого понимания данного явления как «ощущения истории» (Э. Шик) [Цит. по: Явчуновский 1974: 33] до узкого, включающего в данную область лишь то, что непосредственно связано с документальной сферой.

В художественно-документальной прозе документ выполняет функцию источника информации и в ряде случаев приобретает изначально несвойственное ему эстетическое значение [Симонова 2002]. *Соотношение* документального и художественного в произведении реализуется на *трех уровнях: тематическом, концептуальном, художественно-изобразительном* – которые корреспондируют в ЛР парадигме с инвентивно-диспозитивным каркасом и элокутивным наполнением континуума дискурс-текста. Синергетически взаимодействуя в тексте произведения, данные составляющие порождают ДХ синтез, квалифицируемый нами в качестве особой дискурсивной стратегии литературной личности. Этим обусловлена необходимость оперирования постулируемым в данной работе терминологическим сочетанием «ДХ синтез как дискурсивная стратегия», проведения категориальной разработки соответствующего понятия в ЛР парадигме, его конкретизации в качестве исследовательской призмы для текстового материала «Архипелага ГУЛаг». ДХ синтез как дискурсивную стратегию правомерно представить как давно существовавший в отечественном литературно-художественном дискурсе аспект технологии писательского творчества (без употребления предложенных терминов), осуществляемый *в разных тематических направлениях*. В рамках ЛР парадигмы как интегративного подхода необходимо, опираясь на теорию риторики, последовательно провести аналогию литературно-художественного и ораторского типов дискурса – с учетом того, что литературная (а в ее составе – языковая) личность также является ритором, выражающим авторский этос, логос и пафос в ходе реализации универсально идеоречевого цикла «от мысли к слову» в этически ответственном, граждански значимом и эстетически ценном речевом поступке. Характерной чертой ДХ синтеза как дискурсивной стратегии, объединившей две изначально противостоящие категории «документальность и «художественность», является возможность ее реализации разными инвентивными тактиками, выбор которых диктуется общим замыслом произведения, т.е. ведущей «целью ратора». Экстраполируя типологию ораторских речей по цели высказывания в сферу литературно-художественного дискурса (*эпидейктический художественный дискурс (восхваляющего / порицающего типа), информационный художественный дискурс, убеждающий (аргументативный) художественный дискурс, гедонистический художественный дискурс*), правомерно предположить, что в каждом из названных его видов литературная личность может применить *дискурсивную стратегию ДХ синтеза*.

В рамках аргументативного дискурса социально-политической направленности ведущей деятельностно-коммуникативной потребностью литературной личности на уровне прагматикона становится стремление донести до читателя историческую правду, поэтому «на стыке прозы и документалистики и рождается новый литературный жанр, способный <...> обеспечить его истинный расцвет, дать наивысший уровень достоверности и соответствовать возросшим требованиям современного читателя» [Аграновский 2009]. «Реальность XX века оказалась такова, что сказать правду о ней стало сверхзадачей писателя» [Местергази 2002: 96]. В целом причины «взрыва документализма» виделись в обострении интереса к общественно-социальным проблемам, связывались с ха-

рактором «эпохи высокоразвитой техники», с возросшим доверием к реальным событиям, не измененным писательским вымыслом, с изменением культуры читателя и восприятия им художественного произведения и т.д. Этот процесс распространился на все виды искусства, сместил жанровые границы, повлиял на структуру произведений [Залыгин 1990: 239]. В общих категориальных рамках ДХ синтеза как дискурсивной стратегии с учетом типологии риторских целей и содержательно-тематических пластов правомерно выделить такие разновидности, как *созерцательная дискурсивная стратегия ДХ синтеза / оппозиционная дискурсивная стратегия ДХ синтеза*. Данные стратегии коррелируют с дискурсивными стратегиями, выделяемыми с позиции функционального стиля: художественной и публицистической. В рамках оппозиционной мы выделяем ее разновидность – *оппозиционно-деятельностную дискурсивную стратегию ДХ синтеза*, характерную для литературы XX в. Занимающий особое место в отечественной литературе «Архипелаг ГУЛаг» А.И. Солженицына, будучи реализацией именно *оппозиционно-деятельностной дискурсивной стратегии ДХ синтеза*, являет собой орудие активной и непримиримой борьбы литературной личности против тоталитарного режима.

Во второй главе – «*Лингвориторический инструментарий реализации дискурсивной стратегии документально-художественного синтеза и ее функции в тексте произведения “Архипелаге ГУЛаг”*» – охарактеризованы в структурно-функциональном аспекте инвентивная, диспозитивная и элокутивная тактики дискурсивной стратегии ДХ синтеза: содержательно-идеологическая платформа текста «Архипелаг ГУЛаг», его общая архитектоника и частные композиционные решения, особенности самопрезентации литературной личности А.И. Солженицына на уровне вербализации.

Инвентивная тактика реализации дискурсивной стратегии ДХ синтеза представлена в текстовом пространстве «Архипелага ГУЛаг» следующими ведущими темами идиодискурса А.И. Солженицына: историческая правда о репрессивной системе; борьба со злом силой нравственного примера; «Русская земля / Россия – Запад»; гражданская ответственность литературной личности.

Инвентивная составляющая исследуемого текста основывается на документальности, подлинности жизненного материала. Стремясь как можно правдивее раскрыть «эпохальную трагедию бесконечно жестокого века России» [Солженицын 1989: 136], автор обращается к документу как средству фиксации истории, так как в достижении объективности повествования решающую роль играет ограничение художественного вымысла, реализованное благодаря опоре на «плотность», «густоту достоверных фактов» [Там же: 137]. Инвентивная тактика автора при воспроизведении истории основана, во-первых, на хронологической достоверности, а во-вторых, на использовании обширного документального материала. Выбор документов подчинен строгой системе отбора в соответствии с авторскими целями и задачами. Вписываясь в структуру повествования, документ должен «работать» на художественную достоверность характеров и событий, создавая документально-образное единство.

Жанровую типологию свидетельств документальной природы, в совокупности раскрывающих оппозиционно-деятельностную дискурсивную стратегию

литературной личности А.И. Солженицына в тексте «Архипелаг ГУЛаг», можно представить следующим образом: 1) *военные приказы; сводки; политические воззвания*; 2) *архивные данные; мемуары; очерки; письма; дневники*; 3) *устные высказывания людей, воспроизводимые по памяти*; 4) *собственные мысли и чувства, воспроизводимые по памяти*.

Данные «контексты-документы», носящие объективный характер и органично входящие в документально-художественное повествование, являются неотъемлемой составляющей дискурсивной стратегии ДХ синтеза и соотносятся с «контекстами-реалиями», рассмотренными выше, как их производная. Таким образом, «контексты денотативного типа, или «контексты-денотаты», представлены в тексте «Архипелаг ГУЛаг» двумя разновидностями: первого порядка – «контексты-реалии» и второго порядка – «контексты-документы».

Часть приводимых документов А.И. Солженицын комментирует самостоятельно: ссылаясь на лагерный опыт, разъясняет их истинное содержание, завуалированное средствами официального стиля. Подобные комментарии выступают в качестве субъективной оценки, а сами контексты можно квалифицировать как контексты «коннотативного типа». В основе классификации контекстов на два типа: «денотативные» и «коннотативные» лежит деление текстовой информации на фактуальную и концептуальную (И.Р. Гальперин). Приведем пример включения контекстов-интерпретант в структуру «Архипелага ГУЛаг», реализующего дискурсивную стратегию ДХ синтеза:

«26 марта 1928 года Совнарком (значит – еще под председательством Рыкова) рассматривал состояние карательной политики в стране и состояние мест заключения. О карательной политике было признано, что она недостаточна. Постановлено было: к классовым врагам и классово-чуждым элементам применять суровые меры репрессии, устроить лагерный режим (а социально-неустойчивым вовсе не давать сроков). Кроме того: поставить принудработы так, чтоб заключенный не зарабатывал ничего, а государству они были бы хозяйственно-выгодны. И: «считать в дальнейшем необходимым расширение емкости трудовых колоний». То есть попросту предложено было готовить побольше лагерей перед запланированными обильными посадками» (3,3).

А.И. Солженицын, используя опыт документальной литературы, находит новые пути художественного освоения документа, предлагает разнообразные способы презентации документальных свидетельств: привлечение собственно документов (военные приказы, сводки, политические воззвания, листовки); введение «фрагментальных глав», художественно-публицистическое повествование которых «сплавлено» с обширными отрывками из документов, подтверждающих авторскую мысль, углубляющих историческую канву, киноэкран, являющийся художественным открытием писателя.

Авторская аргументация реализуется в системе доводов А.И. Солженицына, активно использующего все основные типы аргументов, различаемые риторикой: 1) *аргумент «к очевидному»* (автор является участником описанных событий); 2) *логосные аргументы* (рассуждения, умозаключения автора); 3) *эмосные аргументы* («к пониманию», «к состраданию», «к объединению»); 4) *пафосные аргументы* («к раскаянию»); 5) *аргумент «к доверию»* автору.

Таким образом, информационное поле документа выступает здесь как форма создания художественного образа эпохи. Оно соотносится с художественным текстом благодаря авторской концепции и общей художественной организации коммуникативного пространства. Художественный вымысел и документальность входят в структуру текста, составляя уникальный сплав фактической и эстетической достоверности. Их взаимное обогащение синтезирует идеи, которые образуют систему книги и создают эпическую полноту повествования. Идея документальности, прямого использования документа становится в книге основой ее инвентивно-диспозитивного каркаса. При этом необходимо особо отметить, что в качестве дискурсивной стратегии ДХ синтез является не специальным изобретением, удачной «творческой находкой», а вынужденной мерой.

Диспозитивная тактика реализации дискурсивной стратегии ДХ синтеза строится на чередовании истории жизни одного человека и целого государства. Рассказ о технологии арестов, открывающий книгу, – своеобразная экспозиция, утверждающая: жертвой этой машины может стать любой. В положении этого наивно-невинного «любого» оказывается вслед за тем автор – представитель неопределенно-огромного «Мы». Его индивидуальная судьба обрамляется описанием истории репрессий. Вынужденный задуматься над своей участью, автор обращается к судьбам тех, кто ступил на дорогу смерти до него.

Значительное количество фактического материала (собственного, который автор вынес из тюремной страны «шкурой своей, памятью, ухом и глазом» (1,5), и чужого, сохранившегося в рассказах, воспоминаниях и письмах 227 человек) требовало особой композиции, принципа, обеспечивающего четкую организацию текста. Таким принципом стало *следование в повествовании тематике и хронологии*. Семь частей «Архипелага...» являются относительно самостоятельными, так как развивают определенную тему, обозначенную автором. Цельность произведения, тем не менее, не нарушается; она обеспечивается документальностью всех его частей, хронологической подачей материала, а также общей задачей – проследить этапы нравственного разрушения народного духа. Солженицын группирует фрагменты текста в соответствии с реальной хронологией событий, тем самым, подчеркивая достоверность исследования. В семи частях («Тюремная промышленность», «Вечное движение», «Истребительно-трудовые», «Душа и колючая проволока», «Каторга», «Ссылка», «Сталина нет») он открывает перед читателем страшный, неизвестный, спрятанный от многих глаз мир, словно проводя через семь кругов ада. Части текста несоразмерны: первая часть включает 12 глав, вторая – 4; третья – 22, четвертая – 4, пятая – 12, шестая – 7 и седьмая – 3. Это наблюдение демонстрирует, что автор не стремится упорядочить материал с точки зрения объема в ущерб достоверности, предпочитая композиционной выравненности тематическую завершенность. Проанализировав диспозицию глав, можно заметить несамостоятельность некоторых из них. Так, в Ч. 1 главы 8, 9 и 10 связаны не только названием (глава 8 – «Закон – ребенку», глава 9 – «Закон мужает», глава 10 – «Закон созрел»). Все они посвящены формированию законодательной поддержки репрессивных действий и развитию этого механизма на разных этапах. Финал 8-й главы, совпадающий с началом, содержащим важные авторские размышления и

акцентирующие их, говорит о наличии продуманной композиции: Начало: «Мы все забываем. Мы помним не быть, не историю, – а только тот штампованный пунктир, который и хотели в нашей памяти пробить непрерывным долблением. Я не знаю, свойство ли это всего человечества, но нашего народа – да. Обидное свойство. Может быть, оно и от доброты, а – обидное. Оно отдаёт нас добычею лжецам». Финал: «Мы теперь совсем не помним этого» (1,8).

Смысловое и композиционное единство свойственно и другим главам, например, в Ч. 4 «Душа и колючая проволока» связь первых двух глав отражена в перекликающихся названиях (глава 1 – «Восхождение» и глава 2 – «Или расстеление?»). Созданное таким образом диспозитивное единство служит инвентивным задачам, главная из которых – показать летописно, шаг за шагом весь путь человека, испытывавшего ужас репрессивной системы. Нарушение хронологического принципа связано с необходимостью сблизить непрерывность тематической линии. Автор, обеспечивая взаимосвязь между информацией новой и представленной ранее, вынужден прерывать последовательность повествования с целью: 1) апелляции к предшествующей информации; 2) апелляции к последующей информации; 3) моделирования социополитической ситуации; 4) выявления истинных причин событий; 5) историко-философского обобщения; 6) приведения дополнительных, в том числе биографических, сведений.

В тексте «Архипелаг ГУЛаг» А.И. Солженицын использует материал свидетелей в качестве подтверждения прочувствованного, осознанного и четко сформулированного тезиса. Последовательность «от общего к частному» (от технологии насилия к частному случаю повествователя) нарушается в диспозитивном каркасе произведения лишь однажды: в главе, посвященной объявлению приговоров. Описывая ознакомление с собственным приговором до механики процесса и вынесения вердикта, автор создает ощущение внезапности и абсурдности происходящего: развязка наступает неожиданно и не зависит от хода следствия.

Обилие исторических свидетельств, активно используемых в тексте, требует рассмотрения вопроса о приемах введения документа в ткань повествования. Писатель в свое время наметил основные пути использования документального материала: либо прямое цитирование, либо переработка («в художественную ткань повествования»). Действительно, в «Архипелаге ГУЛаг», наряду с косвенным использованием документального материала, мы сталкиваемся и с *прямым цитированием* – частотным приемом дискурсивной организации текста при *сопоставлении документов*, когда последующий либо дополняет предыдущий, либо противопоставлен ему. В случае использования интертекста цитата вплетается в текстовую канву и служит созданию ироничного подтекста, обеспечивая диалог с классиками: «Кто золото сдает – тот выпьет воды! Червонец за кружку чистой воды! Люди гибнут за металл...» (1,2); «И напечаталось, и перепечаталось в большой вольной прессе, нашей и западной, от имени Сокола-Буревестника, что зря Соловками пугают, что живут здесь заключенные замечательно и исправляются замечательно. **«И, в гроб сходя, благословил Архипелаг...»** (3,2); «Судьба же Юрия Е. и среди них была не рядовая. Да не об этом ли и Пушкин мечтал: **«Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать!»**. Вот мы и страдаем, и мыслим и ничего другого в нашей жизни нет. И как легко оказалось этого идеала достичь...» (1,5); «Освобождение на *этом*

свет мыслилось ведь не таким. Оно рисовалось нам по пушкинскому варианту: «**И братья меч вам отдадут**». Но такое счастье суждено редким арестантским поколениям» (6,7).

Особая роль в структуре произведения принадлежит эпиграфам и примечаниям. *Эпиграфы*, предваряя повествование, акцентируют главную мысль части как целостного фрагмента. (Они характеризуются разнородностью: это и библейские тексты («Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся»). 1-е послание к коринфянам, 15,51 – Ч. 4 – «Душа и колочая проволока». «...и не раскаялись они в убийствах своих» Апокалипсис, 9,21 – Ч. 7 – «Сталина нет»), и стихотворные строки (Колеса тоже не стоят, / Колеса... / Вертятся, пляшут жернова, / Вертятся... / В. Мюллер – Ч. 2 – Вечное движение), и лозунги («Сделаем из Сибири каторжной, кандалной – Сибирь советскую, социалистическую!» Сталин – Ч. 5 – Каторга), и речь обвинителя («В эпоху диктатуры и окруженные со всех сторон врагами, мы иногда проявляли ненужную мягкость, ненужную мягкосердечность». Крыленко, речь на процессе «Промпартии» – Ч. 1 – Тюремная промышленность), и письмо бывшей заключенной («*Только эти могут нас понимать, кто кушал разом с нами с одной чашки*» (из письма гуцулки, бывшей зэчки) – Ч. 3 – Истребительно-трудоуемые). Их жанровое и стилевое разнообразие подчеркивает монументальность замысла литературной личности, стремящейся охватить весь описываемый исторический период, не только показав его с разных сторон, но и изучив как явление. *Примечания* используются автором, чтобы освободить основной текст от подробностей, которые он, однако, не считает излишними с точки зрения инвентивного наполнения. В них писатель сообщает то, что, по его мнению, по той или иной причине должно остаться за рамками повествования (ссылки на источник цитаты; имена арестованных, узников ГУЛага; имена следователей, надзирателей и т.д.; личные воспоминания; собственные наблюдения и оценки). Данные элементы текста (эпиграфы и примечания) являются композиционно значимыми, демонстрируя своеобразие литературной личности А.И. Солженицына. Нетрадиционное абзацное членение в «Архипелаге ГУЛаг», подчиненное выражению документально-художественной природы доказательства, является не только показателем экспрессивности текста, но и его яркой диспозитивной характеристикой.

Темпоральное пространство текста, организуемое ракурсом видения реальности говорящим (в соответствии с теорией Г.А. Золотовой), репрезентируется коммуникативными регистрами речи, анализ которых позволяет выявить диспозитивную тактику литературной личности в дискурсивно-текстообразующем процессе (соотношение временных линий $T^1 - T^2$ или $T^1 - T^2 - T^3$; динамики сюжетного движения и статике фоновых описаний; действий, событий и мыслей о них говорящего или персонажа; точек зрения говорящего и героев-перцепторов), т.е. (ответ на вопрос: КАК строится текст?), в то время как ее инвентивная стратегия включает понятия замысла, мировосприятия, позиции прагматических интересов говорящего, организованных в логосно-этносопафосном континууме духовного пространства текста (ответ на вопрос: ЗАЧЕМ данный текст создается).

Элокутивная тактика реализации дискурсивной стратегии ДХ синтеза определяет авторский выбор языковых и речевых средств в соответствии с ри-

торической ситуацией, заданной инвентивно-диспозитивным каркасом текста. Языковую ситуацию советского периода отличала ярко выраженная «управляемая и осознанная» диглоссия, возникающая в результате оппозиции «официозного» и «живого» языков. Отсюда двойная языковая компетенция советской языковой личности, своего рода «политический билингвизм», порождаемый гипертрофированной идеологизацией общественной жизни. «Язык в языке», каковым предстает советский дискурс, изначально направлен на воздействие, политическую суггестию, не просто на формирование, но на «переформировывание» мировоззрения, пересоздание человека прежде всего как языковой личности (что убедительно показано в монографии Н.А. Купиной «Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции» [Купина 1995]. «Способность использовать разные подязыки и свободно переключаться <...> с одного подязыка на другой» является одной из важных характеристик языковой личности [Караулов 2002: 79]. Это виртуозное умение демонстрирует автор в «Архипелаге ГУЛаг», широко применяя разговорно-бытовую и просторечную лексику, которая, с одной стороны, противостоит официальному, а с другой – блатному языку, лишь напоминаящему русский. «Религиозным давали десятку (*курсив А.С.*), высший тогда срок» (1,2); «Здесь не цапкались брать сперва главу семьи, а там посмотреть, как быть с остальной семьей» (1,2); «...замели архив» (1,1). «Теперь каждый разумный человек согласится, что если бы *возюкаться* с открытыми судами, – НКВД никогда бы не выполнило своей великой задачи» (1,10). «Правда, и они не заступились за нас против *блатарей*» (2,2); «Вот так ударяемся, ударяемся боками и хрюкалками, чтобы хоть с годами стать людьми...» (2,2). «Словесная ткань его творений – симфония, пожалуй, не имеющая аналогов», – отмечает Ю. Кублановский и приводит цитаты Ж. Нива о «неистовости», вложенной Солженицыным в усилие поэтического обновления, о том, что «Солженицын восстанавливает изначальную энергию слов» [Кублановский 2008]. Писатель демонстрирует, что язык – самостоятельная система, которая сопротивляется навязываемой лжи. «Иногда мы хотим солгать, а Язык нам не дает. Этих людей объявляли изменниками, но в языке примечательно ошибались – и судьи, и прокуроры, и следователи. И сами осужденные, и весь народ, и газеты повторили и закрепили эту ошибку, невольно выдавая правду, их хотели объявить изменниками Родине, но никто не говорил и не писал даже в судебных материалах иначе, как «изменники Родины». Ты сказал! Это были не изменники е й, а е с изменники. Не они, несчастные, изменили Родине, но расчленивая Родина изменила им и притом ТРИЖДЫ» (1,6).

А.И. Солженицын объединяет индивидуально-авторское и коллективное сознание, используя для передачи народного склада ума, народных пристрастий и т.п. в числе прочих приемов пословицы, как правило, не очень известные, а потому обращающие на себя внимание читателя «*Вор вором губится*, давно предвидела пословица (3,15); «Вот и рассказывай *ладком да порядком* о судебных процессах тех лет...» (1,8). Осознавая непреодолимые противоречия между традиционным укладом и государственным строем, отвергавшим накопленное веками, писатель «осовременивает» пословицы, словно приводя их содержание и форму в соответствие с эпохой: «Кто ж у истока – *курица или яйцо?* люди или система? Несколько веков была у нас пословица: *не бойся закона – бойся судьбы*. Но, мне кажется, *закон* перешагнул уже через людей, люди отстали в жестокости. И пора эту посло-

вицу вывернуть: не бойся судьбы – бойся закона. Абакумовского, конечно. Диалектика, куда ни ткни!» (1,8); «Как шутят в лагере: на *нет* и суда нет, а есть Особое Совещание» (1,7).

Идиодискурс литературной личности проявляется в языковых средствах выражения пафоса, создающего эмоциональный образ предмета речи и рельефно представляющего этосную доминанту риторического идеала. Важную роль в «лингвориторическом портрете» А.И. Солженицына играет словообразование в тексте «Архипелаг ГУЛаг», отличающееся самобытностью, эмоциональной насыщенностью («переброс», «перекид», «перепласт», «выброс», «оступ и оскольз», «заглот», «изворот», «оглядчивая мудрость», «головорубка», «арестознание», «тюрьмоведение», «голодаловка», «грознопамятный год», «недовзятый», «черезсильно», «тюрзак», «смершевец», «энкаведешники», «гориллоиды», «человеко-крысь», «кызматыли» и т.д.) и демонстрирующее пути расширения современного русского языка согласно авторской концепции.

В дискурсивном пространстве текста по этосному принципу реализуется глобальное противопоставление двух ментальных миров, двух идеологий. Персонажи книги делятся на две группы – «мы» и «они». «Мы» – это те, кто незаслуженно и безжалостно томились в застенках лагеря, а «они» – те же самые русские, но «хуже эсэсовцев», пытавшие и истязавшие себе подобных ради своего собственного блага. П.Е. Спиваковский называет это новым типом полифонии – «полифонией перцептивных миров, или индивидуальных восприятий» [Цит. по: Давыдова 1999: 235]. Совокупная языковой личности этносоциума – коллективная русская языковая личность – расколота на два лагеря. Устами писателя – профессиональной языковой личности – она эксплицирует это раздвоение на всех уровнях своей структуры. В центре этической концепции А.И. Солженицына – мучительное осмысление категорий «мы» и «они», выраженных концептами «добро» и «зло». В перевернутом мире Архипелага базовые культурные концепты «добро», «правда» тесно взаимосвязаны с концептами «нравственность», «самоотверженность», «мужество», «стойкость», которыми определяется внутренняя сущность заключенных лагеря; в противовес этому зло концентрируется в образах его носителей – представителей бюрократической системы надсмотрщиков, следователей, характеризующихся лексемами *жестокость, насилие, запугивание, наказание, пытки, угрозы, кровь* и т.п., репрезентирующими концепты «жестокость» и «насилие».

Риторский пафос А.И. Солженицына-трибуна вербализуется благодаря активному использованию широкого арсенала тропов и фигур. Весьма широко представлены художественные определения – *эпитеты*, образующие дихотомию парадигме научных определений; в совокупности формируется комплексная документально-художественная парадигматика текста. Например: «глухая расправа над миллионами» (1,1); «сытый год еще необрубленного НЭПа» (1,2); «...начал свою злокачественную жизнь Архипелаг ГУЛаг» (1,2); «в заселении ГУЛага была *хладнокровно задуманная* последовательность и *неослабевающее упорство*» (1,2); «но была ли среди них такая *многомиллионная* подлость: предать своих воинов и объявить их же предателями?!» (1,6). Для того чтобы понять, что значит для Солженицына «*наша матушка 58-я Статья*» (1,8), достаточно привести ряд

характеризующих ее эпитетов: «Парадоксально: всей многолетней деятельности *всепроникающих и вечно бодрствующих Органов* дала силу всего навсего ОДНА статья из ста сорока восьми статей не-общего раздела Уголовного Кодекса 1926 года. Но в похвалу этой статье можно найти еще больше эпитетов, чем когда-то Тургенев подобрал для русского языка или Некрасов для Матушки-Руси: *великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая* Пятьдесят Восьмая, исчерпывающая мир не так даже в формулировках своих пунктов, сколько в их диалектическом и широчайшем истолковании. Кто из нас не изведal на себе ее *всехватывающих* объятий?» (1,2). **Метафора** – излюбленный художественный прием А.И. Солженицына в силу того, что данный троп является средством включения документального материала в художественный контекст: «...калитку за нами, *калитку в нашу прошлую жизнь, захлопывают навсегда*» (1,1); «...тридцать седьмой! *Волга народного горя!*» (1,2); «Но уже начал свою злокачественную жизнь Архипелаг ГУЛаг и скоро *разошлет метастазы по всему телу страны*» (1,2); «Под общий шум заканчивается и перекладка *Большого Пасьянса*, гребут еще *недовзятых*.... гонят на *бойни Архипелага – стадами*» (1,2); Так восходило *солнце нашей свободы*. Таким *упитанным шалуном рос наш октябренок-Закон* (1,8); «*душа камеры*», если у смертной камеры может быть душа» (1,10). Метафорой является уже само заглавие «Архипелага ...». В основе образа *архипелага* лежат разные источники. С одной стороны, это «Остров Сахалин» А.П. Чехова, с другой – «Одиссея» Гомера. **Аллегория** на «Одиссею» у Солженицына встречается в начале первой главы («Персты Авроры») третьей части: «Розовоперстая Эос, так часто упоминаемая у Гомера, а у римлян названная *Авророй*, обласкала своими перстами и первое раннее утро *Архипелага*. <...> *Архипелаг* родился под выстрелы «*Авроры*» (3,1). Гомеровский образ утренней зари Эос соотносится не только с римским названием, но и с названием крейсера, который в советской мифологии получил концептуальный смысл.

Менее широко представлены другие виды тропов, однако они усиливают эффект художественности: **метонимия**: «А вокзал снует вокруг – и ничего не замечает...» (1,1); «служители *Голубого Заведения*» (1,3); **сравнение**: «И ПОСЛЕ был поток 44-го – 46-го годов, с *добрым Енисей*» (1,2); «Каждый смотрит на тебя как *паук, нависший над мухой*. Их паутина – это решетка, и ты попался!» (2,1); «Если *арест – удар мороза по жидкости*, то *освобождение – робкое оттаивание между двумя морозами*. Между двумя арестами» (6,7); **гипербола**: «Вселенная имеет столько центров, сколько в ней живых существ. *Каждый из нас – центр вселенной*» (1,1); «– Я?? За что?? – вопрос, *миллионы и миллионы раз* повторенный еще до нас и никогда не получивший ответа» (1,1).

Взгляд художника помогает увидеть абсурдность мышления, образа жизни и показать читателю с помощью такого приема, как **парадокс**: «Дело в том, что *эти кормящие руки были не те руки, которым можно было разрешить кормить голодных*» (1,2); «Так *беспорочную систему* смягчали только пороки исполнителей» (1,3). Яркой языковой особенностью является **ирония**, построенная на основе антитезы, парадокса и гиперболы. На первый взгляд, кажется неожиданным обращение к этому приему в тексте о тоталитарном обществе, однако ирония и даже сарказм как средства борьбы с абсурдом передают алогичность всего мироустройства: «*Надо воздать Органам (курсив А.С.) заслуженное*: в век, когда речи ораторов, театральные пьесы и дамские фасоны кажутся *вышедшими с конвейера*, –

аресты могут показаться *разнообразными* (1,1); «Нам сейчас и понять трудно, как рабочие, едва став диктаторами, тут же склонились отлынивать от работы на себя самих» (1,2); «В 1918 году, чтобы ускорить также и культурную победу революции, начали потрошить и вытряхивать мощи святых угодников и отбирать церковную утварь» (1,2).

Элокутивная тактика выражается в повышенной фигуративности авторской речи, например: **антитеза**: «По той самой асфальтной ленте, по которой ночью сновали воронки, – днем шагает молодое племя со знаменами и цветами и поет неомраченные песни» (1,1); **градация**: «Я сидел и гадал: чью незаурядную жизнь в эту ночь привезли на истязание, на растерзание и на сожжение потом?» (1,3); **анафора / эпифора**: «Из-за 11-го пункта я попал в каторжный лагерь. Из-за 11-го же пункта я после «освобождения» был безо всякого приговора сослан на вечную ссылку. И, может лучше. Без того и другого не написать бы мне этой книги...» (1,3). «Они по службе не имеют потребности быть людьми образованными, широкой культуры и взглядов – и они не таковы. Они по службе не имеют потребности мыслить логически – и они не таковы. Им по службе нужно только четкое исполнение директив и бессердечность к страданиям – и вот это их, это есть» (1,4); **параллелизм**: «Не для нас была та Победа. Не для нас – та весна» (1,5). Использование **периода** дает возможность амплификационного нанизывания метабола в его рамках: «Какое ускорение и упрощение следствия, не известные предыдущему человечеству (восклицание)! Органы (метонимия) вообще освободили себя от труда искать доказательства (восклицание)! Пойманный кролик (метафора), трясушийся и бледный (эпитеты), не имеющий права никому написать, никому позвонить по телефону, ничего принести с воли (повтор), лишенный сна, еды, бумаги, карандаша и даже пуговиц (градация нисходящая), посаженный на голую табуретку в углу кабинета, должен САМ (графический акцент) изыскать и разложить перед бездельником-следователем доказательства, что НЕ (графический акцент) имел враждебных намерений (восклицание)! И если он не изыскивал их (а откуда ж он мог их добыть?) (риторический вопрос), то тем самым и приносил следствию приблизительные доказательства своей виновности (восклицание)!» (1,3).

А.И. Солженицын ведет диалог с воображаемым читателем; повествуя о трагических событиях, применяет риторические фигуры, рассчитанные на коммуникативный эффект. **Обращение к читателю**: «Сейчас ты увидишь впервые – не врагов. Сейчас ты увидишь впервые – других живых, кто тоже идет твоим путем и кого ты можешь объединить с собою радостным словом МЫ!» (1,5). **Риторический вопрос**: «Вот та воля, на которую выпущены бывшие ээки. Есть ли еще в истории пример, чтобы столько всем известного злодейства было неподсудно, ненаказуемо? И чего же доброго ждать? Что может вырасти из этого зловония? Как великолепно оправдалась злодейская затея Архипелага!» (6,7). **Вопросно-ответный ход**: «Но что это?.. Нагло гремит в двери надзирательский ключ. Мрачный корпусной с длинным списком: «Фамилия? Имя-отчество? Год рождения? Статья? Срок? Конiec срока?.. Соберитесь с вещами! Быстро!». Ну, братцы, этап! Этап!.. Куда-то едем! Господи, благослови! Соберем ли косточки?.. А вот что: живы будем – досаждем в другой раз. В Четвертой части. Если будем живы...» (1,12). **Восклицание**: «Груды жертв! Холмы жертв!» (1,2).

Вкрапление лексики *научного стиля*, характерное для идиодискурса А.И. Солженицына, соотносится с фактуальностью и выступает в качестве средства,

уравновешивающего документальность и художественность в тексте «Архипелаг ГУЛаг», обеспечивая равноправность синтезируемых компонентов. Научность проявляется как в стремлении квалифицировать и классифицировать описываемые факты (аресты, пытки, ощущения смертников, способы борьбы с голодовками в лагерях и т.д.), так и в использовании точных формулировок, определений, сравнений с фактами из различных областей научного знания: биологии, математики, физики: «*Подобно тому, как в курсе анатомии после подробного описания системы кровообращения можно заново начать и подробно провести описание системы лимфатической, так можно заново проследить с 1918 года по 1953-й потоки бытовиков и собственно уголовников*» (1,2); «*Чтобы провести прямую, достаточно отметить всего лишь две точки <...> И на эту плодоедски-незамысловатую прямую укладываются в промежутке бесчетные воспоминания миллионов*» (1,3); «*Физика знает п о р о г о в ы е величины или явления. Это такие, которых вовсе нет, пока не перейден некий, природе известный, природою зашифрованный ПОРОГ. Сколько не свети желтым светом на литий – он не отдает электронов, а вспыхнул слабый голубенький – и вырваны (переступлен порог фотозффекта)! <...> И, видимо, злодейство есть тоже величина пороговая*» (1,4).

Чтобы передать собственное внутреннее эмоциональное состояние, А.И. Солженицын активно использует не только специфическое абзацное членение, рассмотренное нами среди диспозитивных характеристик, но и графические средства («...гнали по сточным трубам целые *нации* (курсив А.С. – Т.К.)» (1,2); «И вам можно и непременно надо было бы *КРИЧАТЬ!* Кричать, что вы арестованы! (1,1); «Отчего они все такую рьяной упряжкой включились в эту гонку не за истинной, а за ЦИФРАМИ обработанных и осужденных?» (1,4). «И нич-ч-чего вы не находите на это ответить, кроме ягнячьего бляения: – Я-а?? За что??...» (1,1)).

В рамках *логосно-тезаурусно-инвентивных параметров* «Архипелага ГУ-Лаг» дискурсивная стратегия ДХ синтеза выполняет *методологическую и мировоззренческую функции*; на уровне *этносно-мотивационно-диспозитивных параметров* – *мемориальную и разоблачительно-орудийную функции*; с позиций *нафосно-вербально-элокутивных параметров* – *функции языкового соприкосновения и выражения гражданского протеста*. При этом дихотомия «Объективное (документальное) / субъективное (художественное)» репрезентирована на всех этапах идеоречечного цикла: инвентивная тактика базируется на взаимодействии контекстов «денотативного типа» («контекст-реалия», «контекст-документ») и «коннотативного типа» (многообразии авторских контекстов-интерпретант); диспозитивная тактика строится на чередовании двух линий: хронологической (автор-исследователь) и автобиографической (автор-художник); элокутивная тактика основывается на сочетании языковых средств, обеспечивающих научность и художественность изложения. В целом, инвентивная тактика в большей степени является носителем документальности, тогда как диспозитивная и элокутивная тактики воплощают художественное начало.

В *Заключении* обобщены основные результаты работы. *Перспективы* исследования усматриваются в анализе с принятых научных позиций более широкого текстового пласта идиодискурса А.И. Солженицына, а также в сопоставительном анализе реализуемой автором ЛР стратегии – в плане сравнения с другими литературными личностями советской эпохи: официально признанными;

публиковавшимися, но подвергнутыми гонениям; советскими авторами «подпольной», «возвращенной» литературы, писателями-эмигрантами.

Основное содержание исследования отражено в следующих *публикациях*, общим объемом 7,4 п.л.:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Киреева Т.В. Инвентивные характеристики реализации лингвориторической дискурсивной стратегии А.И. Солженицына в тексте романа «Архипелаг ГУЛАГ» // Вестник Поморского университета. Вып. 4. 2007. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. С. 94–97.

2. Киреева Т.В. Лингвориторический инструментарий дискурсивной стратегии документально-художественного синтеза и ее функции (А.И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ») // Вестник Сочинского государственного университета. 2011. № 4 (18). С. 174–177.

3. Ворожбитова А.А., Киреева Т.В. Языковая и литературная личность в лингвориторической парадигме: аспект дискурсивных стратегий // Вестник Сочинского государственного университета. 2011. № 4 (18). С. 162–165.

Статьи, опубликованные в других изданиях

4. Киреева Т.В. Языковое измерение как форма связи человека с миром: герменевтический аспект // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательных сферах: Матер. 5-й Междунар. науч.-метод. конф., Сочи 19–21 сентября 2002 г. В 2 ч. Ч. 2. Сочи: РИО СГУТиКД, 2003. С. 101–107.

5. Киреева Т.В. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына как лингвориторико-культурологическая информация // Язык образования и образование языка: Матер. III Всерос. науч. конф. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. С. 62.

6. Киреева Т.В. Лингвориторико-культурологический аспект оптимизации школьного обучения русскому языку и литературе // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Сочи: РИО СГУТиКД, 2003. С. 157–162.

7. Киреева Т.В. Лингвориторико-культурологический подход как способ оптимизации школьного обучения русскому языку и литературе // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Матер. 6-й Междунар. науч.-метод. конф., г. Сочи, 18–20 сент. 2003 г.: В 2 ч. Ч. 2. Сочи: РИО СГУТиКД, 2003. С. 161–163.

8. Киреева Т.В. Лингвокультурологические и лингвориторические аспекты исследования дискурса А.И. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ») // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Матер. 7-й Междунар. науч.-метод. конф., г. Сочи, 16–18 сент. 2004 г.: В 2 ч. Ч. 2. Сочи: РИО СГУТиКД, 2004. С. 151–153.

9. Киреева Т.В. Лингвокультурология и лингвориторика как ориентиры анализа художественных текстов школьной программы // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 2-й Всерос. науч.-метод. конф., г. Сочи, 6–7 мая 2003 г.: В 2 ч. Ч. 2. Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. С. 91–95.

10. Киреева Т.В. Анализ идиодискурса А.И. Солженицына с позиции лингвориторики и лингвокультурологии // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 3-й Всерос. науч.-метод. конф., г. Сочи, 13–14 мая 2005 г. Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. С. 204–207.

11. Киреева Т.В. Конструктивные приемы формирования документально-художественного синтеза в романе А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Матер. 8-й Междунар. науч.-метод. конф., г. Сочи, 20–22 сент. 2005 г.: В 2 ч. Ч. 2. Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. С. 154–157.

12. Киреева Т.В. Методология лингвориторического исследования документально-художественного синтеза как дискурсивной стратегии А.И. Солженицына в романе «Архипелаг ГУЛАГ» // Современные гуманитарные исследования. М., 2006. №4 (11). С. 76–78.

13. Киреева Т.В. Общая лингвориторическая характеристика литературно-художественного дискурса А.И. Солженицына // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 52–56.

14. Киреева Т.В. Элокутивные характеристики текста романа «Архипелаг ГУЛАГ» как самопрезентация литературной личности А.И. Солженицына // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. С. 84–92.

15. Киреева Т.В. Дискурсивная стратегия А.И. Солженицына в «художественном исследовании» «Архипелаг ГУЛАГ» с позиций лингвориторической парадигмы // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. VII Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009. С. 216–220.

16. Киреева Т.В. А.И. Солженицын как языковая личность сквозь призму современных исследований // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 74–80.

17. Киреева Т.В. Документально-художественный синтез как лингвориторическая дискурсивная стратегия (А.И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ») // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2009. №2 (8). С. 136–144.

18. Киреева Т.В. Дискурсивная стратегия документально-художественного синтеза (А.И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ») в рамках общей типологии дискурсивных стратегий // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 ноября 2010 г. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2011. С. 105–107.

19. Киреева Т.В. Языковая и литературная личность А.И. Солженицына в дискурсивной стратегии документально-художественного синтеза равновесного типа («Архипелаг ГУЛАГ») // Риторика как предмет и средство обучения: Матер. XV Межд. науч. конф. (1–3 февраля 2011 г.) / Под ред. Ю.В. Щербининой, М.Р. Савовой. М.: МПГУ, 2011. С. 194–196.

Подписано в печать с готового оригинал-макета 6.03.2012 г. Формат 60*90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Типография «Оптима». 354000, г. Сочи, ул. Советская, 40, тел.: (8622) 64-91-32, 64-82-19, тел./факс: (8622) 64-69-17

10 2